

ПУТЬ ПУШКИНА К ПРОЗЕ

В последние годы в поле внимания русского стиховедения все в большей мере попадают функциональные и семантические аспекты исследования поэзии. Плодотворность этих исследований определяется в первую очередь тем, что авторы их могут опираться на значительное число систематизированных и статистически обработанных данных, касающихся репертуара стихотворных форм русской поэзии и основных тенденций его эволюции. Эти данные накапливаются описательным стиховедением начиная с 1950-х годов, хотя определенное значение продолжают сохранять и некоторые источники 1910—30-х годов. Так, ставшее уже классическим исследование К. Ф. Тарановского «О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики» оказалось возможным только после завершения его основного стиховедческого труда — «Руски дводелни ритмови». Аналогичным образом и М. Л. Гаспаров после выхода монографии «Современный русский стих», замечательной как широтой охвата материала, так и тщательностью его обработки, пишет ряд статей, посвященных семантике отдельных метрических форм, а в недавно вышедшей монографии «Очерк истории русского стиха» основное внимание уделяется именно функциональному аспекту описания стихотворной формы.

В свете этих исследований новую актуальность приобретают работы формалистов — в первую очередь Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума, — в которых впервые обсуждался довольно близкий круг вопросов. Хотя фактографическая база этих работ была довольно скромной, в них содержится множество пронизательных наблюдений и выводов, сохранивших свое значение до наших дней. Не случайно поэтому, что наиболее теоретически обобщенное изложение проблемы

семантики метра М. Л. Гаспаров приводит в статье, посвященной Ю. Н. Тынянову.¹

В статье 1923 года Б. М. Эйхенбаум определил основное направление эволюции пушкинского творчества как *путь к прозе*. Анализируя литературную позицию поэта, его высказывания о соотношении стихотворных и прозаических жанров, общую динамику пушкинского стиля, исследователь приходит к следующему выводу: «Можно с уверенностью утверждать, что проза Пушкина явилась как *переход* от стиха и что поэтому она должна отличаться особыми признаками, которые, с одной стороны, резко отделяют ее от специфических свойств стихотворной речи, а с другой — находятся в связи с той ее деформацией, которая наблюдается в «Графе Нулине», «Евгении Онегине», «Домике в Коломне».²

Целью настоящей работы и является проверка этого утверждения Б. М. Эйхенбаума, причем основное внимание будет уделено тому процессу «деформации» стихосложения, которое подготавливало и сопровождало процесс становления пушкинской прозы. Все статистические данные, которые при этом будут использованы, были получены в результате совместной работы с С. А. Шахвердовым.³

Хотя и не вполне понятно, каким образом может быть сопоставлено количество стихотворной и прозаической продукции: подсчитывать ли количество печатных знаков (как поступал Б. И. Ярхо⁴) или же ограничиться подсчетом томов в собрании сочинений, — ясно, что в творческом наследии Пушкина объемы стихотворного и прозаического массивов приблизительно равны друг другу. При этом хронологически основная масса прозаической продукции приходится на последний период его творчества, компенсируя резкое сокраще-

¹ Гаспаров М. Л. Тынянов и проблема семантики метра. — В кн.: Тыняновский сборник: Первые тыняновские чтения (г. Резекне, май 1982). Рига, 1984, с. 105—112.

² Эйхенбаум Б. Путь Пушкина к прозе. — В кн.: Эйхенбаум Б. О прозе. Л., 1969, с. 230.

³ Лотман М. Ю., Шахвердов С. А. 1) Метрика и строфика А. С. Пушкина. — В кн.: Русское стихосложение XIX века: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979, с. 145—257; 2) Материалы по стихосложению А. С. Пушкина. М., 1983 (Ин-т рус. языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации, вып. 161).

⁴ Лапшина Н. В., Романович И. К., Ярхо Б. И. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. М.; Л., 1934.

ние количества продукции стихотворной. Распределение общего количества стихов по основным периодам пушкинского творчества⁵ и динамика среднегодовой продуктивности представлена в табл. 1:

Таблица 1

Период	К-во стихов	%%	Средн. к-во стихов в год
I. 1813—1820	11159	26,2	1395
II. 1821—1825	12534	29,4	2507
III. 1826—1830	11177	26,2	2235
IV. 1831—1836	7793	18,2	1299

Общая тенденция к прозаизации в последний период творчества Пушкина охватывает все его аспекты, в том числе и систему стихотворной техники. Рассмотрим основные «параметры прозаизации» метрической и строфической систем Пушкина.

Прозаизация стиха шла одновременно в двух направлениях: во-первых, в направлении перехода от разнообразных и сложных форм к формам однообразным и простым, максимально, с позиций обиходного языка, «естественным»; во-вторых, в направлении от специфически стихотворных форм организации текста к отказу от них или их ослаблению. В первом случае проза противопоставлялась поэзии как функциональному стилю, во втором случае — стиху как конструктивному принципу организации текста. Разумеется, тот или иной реальный процесс мог протекать в обоих направлениях одновременно, так как в общем случае они не противостоят друг другу, но такое совпадение, как будет ясно из дальнейшего, не обязательно.

Действие первой из этих тенденций проявляется, в частности, в следующих процессах:

1. Увеличение процента «средних» стихов, наиболее естественных с точки зрения языковой нормы, поскольку они совпадают со средней длиной речевого колона; «короткие»

⁵ Принципы периодизации обосновываются в работе: Лотман М. Ю., Шахвердов С. А. Метрика и строфика А. С. Пушкина, с. 164—167.

стихи менее естественны, чем «длинные» и они решительно изгоняются.⁶ Соотношение стихов разной длины и его динамика представлены в табл. 2 (в % от общего числа стихов за период):

Таблица 2

Период	Коротких	Средних	Длинных
I. 1813—1820	15,1	62,4	22,5
II. 1821—1825	3,5	66,0	30,5
III. 1826—1830	1,9	73,9	24,2
IV. 1831—1836	0,9	75,6	23,5
В среднем	5,7	68,9	25,4

Следует иметь в виду, что в основных для Пушкина двусложных метрах тенденция к сокращению употребительности коротких стихов проявляется еще более отчетливо: в ямбе их в четвертом периоде 0,5%, а в хорее — менее 0,05%.

2. Увеличение средней длины текста — (проза «требует *болтовни*»; XIII, 180): в I периоде средняя длина текста составляет 42,8 стиха, во II — 42,5, в III — 41,7, а в IV — 46,9, при том что средний показатель для всего стихотворного наследия Пушкина составляет 42,7 стиха. В IV периоде средняя длина текста в ряде размеров достигает своего максимума, причем длина текстов, написанных X4 и Я6, почти вдвое превосходит свою обычную длину, а ТЗ — более чем втрое. Увеличение средней длины текста (отметим, что тенденция эта не действует на протяжении всего творчества Пушкина — IV период противостоит остальным) является косвенным свидетельством усиления элемента фабульности в поэзии.

3. Сокращение вариативности форм:

а) резко сокращается употребление неравностопных урегулированных и вольных текстов (табл. 3); одновременно в

⁶ Средними стихами считаются 4-стопные двусложники (X4 и Я4) и 3-стопные трехсложные и неклассические размеры (список условных сокращений приведен в конце статьи). Соответственно, более короткие и более длинные стихи считаются короткими и длинными.

них сокращается диапазон колебания стихов различной стопности; их распределение в ЯВ в разные периоды представлено в таблице 4.

Таблица 3

	1813—1820	1821—1825	1826—1830	1831—1836	Всего
текстов ЯВ	42/49,4	19/22,4	20/23,5	4/4,7	85/100%
стихов	685/48,2	464/32,6	215/15,1	58/4,1	1422/100%
текстов ЯРз	19/45,2	9/21,4	8/19,1	6/14,3	42/100%
стихов	420/39,0	350/32,5	158/14,7	150/13,9	1078/100%
текстов ХРз	3/60,0	1/20,0	1/20,0	—/—	5/100%
стихов	99/55,3	8/4,5	72/40,2	—/—	179/100%

Таблица 4

	Я1	Я2	Я3	Я4	Я5	Я6	Проч
I. 1813—1820	—	0,2	2,8	39,7	8,3	48,8	0,2
II. 1821—1825	—	0,7	1,1	41,8	6,7	48,7	1,0
III. 1826—1830	0,9	0,5	2,3	37,2	12,1	47,0	—
IV. 1831—1836	—	—	—	63,8	5,2	31,0	—
В целом	0,1	0,4	2,0	41,0	8,2	47,8	0,5

Следует также отметить, что в последний период как в ЯРз, так и в ЯВ, в рамках одного текста допускается сочетание только стихов двух стопностей, в то время как в III периоде в вольноямбических текстах нередко сочетаются стихи даже пяти различных стопностей;

б) стабилизация рифмовки и каталектики; резко сокращается число конфигураций в вольнорифменном стихе (и

вообще в последнем периоде резко сокращается средняя длина строфоида) и уменьшается общая доля вольнорифменных текстов;

в) сокращение числа употребляемых метрических и строфических форм; так, в I периоде Пушкин использовал 28 размеров (3,6% на размер), во II — 32 размера (3,1%), в III — 26 (3,9%) и в IV — 24 (4,2%);

г) избегание полиметрии в лирике и других «малых жанрах»: единственный пример такого рода полиметрической композиции в последний период — песня цыганки для оставшейся незавершенной оперы М. Ю. Виельгорского «Цыганы» — «Колокольчики звенят...» (1833).

Действие второй тенденции наиболее отчетливо проявляется в следующих процессах:

1. Ослабление метрической и строфической строгости:

а) возрастание доли «неклассических» размеров: если в I период они составляют 0,7% текстов и 0,3% стихов, во II — 2,4% текстов и 0,6% стихов и в III — 6,7% текстов и 4,0% стихов, то в IV период их доля составляет уже 18,1% текстов и 14,8% стихов;

б) отказ от цезуры в Я5;

в) возрастание доли вольнорифменного Я6 за счет сокращения доли александрийского дистиха.

2. Увеличение доли белых стихов:

Таблица 5

	Рифмов стихи	%, %	Нерифмов. стихи	%, %
I. 1813—1820	10824	97,1	319	2,9
II 1821—1825	10822	86,6	1678	13,4
III. 1826—1830	9440	84,5	1725	15,5
IV. 1831—1836	5995	77,0	1791	23,0

Тенденция к увеличению числа нерифмованных стихов проходит через все периоды, причем увеличивается не только их доля, но и абсолютное число, — то есть тенденция к сокращению стихотворной продукции в последнем периоде творчества Пушкина затрагивает только стихи рифмованные.

Таким образом, все основные аспекты стихосложения Пушкина, все его основные метрические и строфические формы оказываются тем или иным образом втянутыми в процесс прозаизации стиха.

Выделенные нами направления прозаизации стиха часто проявляются одновременно (наиболее показательный пример — отказ от цезуры в Я5), но иногда могут приводить к едва ли не противоположным результатам: например, в сокращении доли вольной рифмовки в Я4 и Я5 мы усматриваем тенденцию к избавлению поэзии от «украшенности», понимаемой как чрезмерное разнообразие стихотворной формы, и движение к прозаической строгости, в то время как в переходе от александрийского дистиха к Я6 вольной рифмовки, напротив, мы видим, в первую очередь, отказ от строфической урегулированности, то есть уменьшение роли чисто стихотворных форм организации. Возможно, такое решение перестанет выглядеть столь парадоксальным, если сравнить вольнорифменный стих позднего Пушкина с вольнорифменным стихом первых периодов. Тогда переход, например, в «Анджело» к вольной рифмовке в Я6 представится именно как отказ от строгой строфической организации александрийского стиха, а не как увеличение разнообразия способов рифмовки. Стих «Анджело», равно как и «Медного всадника», поражает удивительной устойчивостью набора рифменных групп (в первом доминируют двустипшия, во втором — четверостишия), которая тем более бросается в глаза, что она не определяется никакими ограничениями конструктивного порядка.

Динамика соотношения стиха и прозы в творчестве Пушкина дает дополнительное обоснование для использованной нами периодизации, согласно которой оно разделяется, в первую очередь, на две неравные части: до 1830 года (I—III периоды) и 1830-е годы (IV период).⁷ Основная масса пушкинской прозы приходится на последний период его творчества. Начатый в 1827 году «Арап Петра Великого» так и остался незавершенным; еще более ранние опыты в прозе, по видимому, также не были доведены до конца и частично или целиком утеряны,⁸ первое законченное и подготовленное к

⁷ Лотман М. Ю., Шахвердов С. А. Метрика и строфика А. С. Пушкина, с. 170.

⁸ См.: Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973, с. 19—31.

печати прозаическое произведение («Повести Белкина») было написано в 1830 году. В результате процесса прозаизации совершенно вытесненными оказались французские стихи, с которых некогда начиналось творчество поэта: в I периоде — семь стихотворений, во II — три, а после 1825 года — ни одного.

Соотношение стиха и прозы важно также проследить (а) в движении текста от черновой редакции к белой и (б) в произведениях, включающих как стихотворные, так и прозаические звенья. В обоих случаях картина складывается весьма выразительная.

Так, написанные прозой «Сцены из рыцарских времен» первоначально задумывались в стихах (первый вариант — Я4: «Ох, горю мне, Мартын, Мартын...»; второй вариант — Я6 — пишется параллельно с прозаическим текстом и отражает колебания Пушкина в выборе формы: «Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз...»).

Не менее показательны и изменения в характере взаимоотношений стиха и прозы внутри текста. В «лицейский» период доминировали в таких текстах стихи, прозе же отводилась второстепенная роль комментария-интерпретации, причем она нигде не противопоставлялась стиху (ср., например, письмо В. Л. Пушкину от 22 декабря 1816 года или запись от 29 ноября в дневнике 1815 года). Далее, в 1820-е годы стихи и проза остаются равноправными в композиционном плане компонентами структуры текста, однако теперь они дифференцируются стилистически: переход от стихотворного звена к прозаическому — значим, он осознается и обыгрывается (наиболее яркий пример — программный в этом отношении «Разговор книгопродавца с поэтом», см. также «Послание Дельвигу», отчасти справедливо это и для «Бориса Годунова»,⁹ письма С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 года и др.); даже в тех случаях, когда, как в текстах, написанных в «лицейский» период, стихотворные и прозаические звенья не противопоставляются друг другу, стилистические функции их теперь совершенно различны. В 1830-е годы происходит дальнейшая дифференциация функций стиха и прозы, при-

⁹ О соответствующих аспектах структуры «Бориса Годунова» см.: Сидяков Л. С. Стихи и проза в текстах Пушкина. — В кн.: Пушкинский сборник. Рига, 1974, вып. 2, с. 4—31; Лотман Ю. М., Шахвердов С. А. Метрика и строфика А. С. Пушкина, с. 218.

чем стихи начинают занимать явно подчиненное положение: проза доминирует над стихами не только в стилистическом, но и композиционном отношении — стихотворные звенья либо приобретают статус «текста в тексте» («Египетские ночи», «Сцены из рыцарских времен» и др.), либо выполняют совсем уж второстепенную в композиционном отношении функцию «рамки» текста (эпиграфы; ср. в этой связи особенно «Капитанскую дочку» с мистификациями в эпиграфах), стихи вытесняются за пределы текста, переход от стиха к прозе становится невозможным — между ними пролегают непреодолимые композиционные барьеры.

Таким образом, как было указано Б. М. Эйхенбаумом в приведенном выше суждении, взаимодействие стиха и прозы в последнем периоде творчества Пушкина приводит не только к приближению их — по различным параметрам — к общему прозаическому знаменателю, но и к более четкому их разграничению, отталкиванию друг от друга. С этим связана и тенденция к повышению метрической и строфической строгости, отчетливо проявляющаяся в 1830-е годы и являющаяся в определенном смысле продолжением и доведением до крайности тяготения к простоте, и прямо противоположная тенденция к ослаблению специфически стихотворных форм организации.

В метрике и строфике эта тенденция проявляется в повышении «отчетливости» форм, в избегании различного рода амбивалентных конструкций и переходных форм, в усилении стилистической, семантической и композиционной «нагруженности» форм (очевидно, что в строфике эта тенденция должна проявляться более отчетливо, чем в метрике, — не случайно, что именно в этот период все более заметную роль начинают играть такие формы строфики и архитектоники, как октавы, терцины, элегические дистихи, сонеты и некоторые другие), в увеличении процента равнострофических форм.

Проявляется соответствующая тенденция и в области рифмы. Декларативные заявления о бедности русского языка в области рифм и о связанной с этим необходимости снисходительного отношения к «плохим» и «бедным» рифмам, свидетельствуют не о пренебрежении Пушкина к качеству рифмы, а, напротив, о повышенном его к ней внимании. Рифма «зрелого» Пушкина характеризуется не только точностью, но и богатством звучания, явно выраженной «левизной» (согласно удачному выражению В. Брюсова), приводя-

шей в отдельных случаях даже к каламбурности рифмовки (ср. «с ума/сума», «супруга/супруга», «мало денег/молоде-нек» и др.), в то время как ранний Пушкин допускал и при-близительные, и бедные рифмы, и холостые стихи. Отказ от рифмы в последнем периоде означал не сближение рифмен-ного стиха с безрифменным (как это имело место, например, в поэзии А. Х. Востокова¹⁰), а четкое их разграничение при увеличении доли последнего.

Таким образом, эволюция поэтики Пушкина шла от поэ-гической доминанты (в частности, и в его ранней прозе), че-рез плюрализм взаимонезависимых принципов построения стихотворной речи как художественной, а прозаической как естественной, к прозаической доминанте творчества 1830-х годов.

Путь к прозе — это не просто направление развития поэ-тической системы одного (пусть даже величайшего) из рус-ских писателей: поворот к прозе проделывала в это время вся русская литература, это было знамение времени. Путь Пушкина, связанный одновременно как с прозаизацией поэ-зии (затрагивающей не только содержательные аспекты, но, как было показано выше, и основные механизмы стихотвор-ной техники), так и с четким разграничением поэзии и прозы: поэзия стремится к прозе, но проза от нее отгораживается, — не был, разумеется, единственно возможным. Прямо в проти-воположном направлении шел А. А. Бестужев-Марлинский, широко вводивший в свою прозу элементы организации, ха-рактерные для стихотворных текстов: ритмизованность, ал-литерации, напевность интонации («музыкальность»)¹¹. Как известно, пушкинский путь развития прозы оказался гораздо более продуктивным, хотя и значение поэтической прозы Марлинского не следует недооценивать: традиция эта, нача-тая еще Карамзиным, продолженная Гоголем, отчасти Тур-геневым, в конечном счете приводит к А. Белому и Ремизову.

Однако в области прозаизации поэзии Пушкин остался одинок не только среди своих современников, но и ближай-

¹⁰ См.: Лотман М. Ю. Метрика и строфика А. Х. Востокова. — В кн.: Русское стихосложение XIX в., с. 122—123.

¹¹ См.: Эйхенбаум Б. М. Поэзия и проза. — В кн.: Уч. зап. Тар-туского гос. ун-та, 1971, вып. 284. (Труды по знаковым системам, V), с. 476—480. Классификация интонационных типов русской поэзии содер-жится в работе: Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического сти-ха. — В кн.: Эйхенбаум Б. О поэзии, Л., 1969, с. 327—511.

шего поколения последователей: даже Лермонтов, столь удачно продолжавший пушкинскую линию в своей прозе, в поэтическом творчестве остался чужд какой бы то ни было форме прозаизации.¹² Единственное исключение из числа сколько-нибудь значительных поэтов составляет в этом отношении поздний Жуковский, продолжавший пушкинскую линию развития неклассических размеров, белого стиха, горной интонации.¹³

Процесс прозаизации русского стиха был продолжен позже — Н. А. Некрасовым и его последователями. Однако их путь к стихотворной прозе существенно отличался от пушкинского: если в направлении к простоте и «естественности» поэзии Некрасов с некоторыми оговорками и может считаться последователем Пушкина, то направление, связанное с ослаблением метрической урегулированности, чуждо ему совершенно (правда, в области строфической организации для Некрасова характерно ослабление строгости формы). Основное направление прозаизации связано у Некрасова с развитием синтагматической амбивалентности метрики и строфики (переходные формы, полиметрические композиции разомкнутого типа) и, как парадоксально это ни звучит, с ориентацией на песенность, которая также связывалась с естественностью:¹⁴ песня, как и проза, противостояла искусственности поэгизма. Неклассические размеры и белый стих ощущались как затрудненные формы, чуждые демократическому направлению развития поэзии, и поэтому у Некрасова они занимают ничтожное место. Значительно больше этих форм у поэтов, противостоящих некрасовскому направлению, например, у Фета. Но и у него неклассические размеры составляют лишь треть от их доли в пушкинском метрическом репертуаре 1830-х годов; лишь к 1910-м годам употребление неклассического стиха в русской поэзии достигло заветного Пушкиным уровня.

¹² Согласно обследовавшему стихосложение Лермонтова Б. И. Ярхо, основное направление эволюции лермонтовского стиха противонаправлено пушкинскому. См.: Ярхо Б. И., Романович И. К., Лапшина Н. В. Из материалов «Метрического справочника к стихотворениям М. Ю. Лермонтова». — Вопросы языкознания, 1966, № 2, с. 125—138.

¹³ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984, с. 163—164.

¹⁴ Там же, с. 162.

Условные обозначения:

Я1, Я2, . . . , Я6 — одностопный, двустопный, . . . , шестистопный ямб;

Х4 — четырехстопный хорей;

ЯРз, ХРз — разностопный (неравностопный урегулированный) ямб и хорей;

ЯВ — вольный (неравностопный неурегулированный) ямб;

ТЗ — трехиктный тактовик.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986